Карина Маркелова

Последний зритель кукольного театра

12+

Карина Маркелова

Последний зритель кукольного театра

Мистическая повесть

12+

Содержание

1. Кресло для одного 4
2. Утро на нитке 8
3. Красная строка 13
4. Целая банка 17
5. Кораблик в чемодане 21
6. Сигнал на восток 25
7. Правильная мать 29
8. За занавесом 33
9. Записи без зрителей 37
10. Просьба деревянной женщины 41
11. Человек у рояля 45
12. Тот, кто держит руку 49
13. Птица с коротким крылом 53
14. Самая добрая сцена 57
15. Семь имён 61
16. Без аплодисментов 65
17. Дверь в обыкновенный день 70
18. Первый зритель 74

Кресло для одного

Орвен Финчли понял, что сказал лишнее, когда брат перестал застёгивать чемодан.

— Ну и уезжай, — повторил он, потому что иногда тринадцатилетнему человеку легче повторить глупость, чем забрать её обратно. — Всё равно тебя здесь никогда нет.

Брен стоял на коленях возле кровати. Из чемодана торчал рукав рубашки. На подоконнике лежал билет до портового города, где брата ждали в училище: через полгода он должен был научиться строить настоящие корабли, а пока не мог уложить четыре рубашки.

— Меня пока ещё здесь очень много, — сказал Брен. — Особенно в комнате, которую мы делим.

Он хотел пошутить. Орвен услышал только «пока».

На кухне мать мешала суп. Ложка задевала стенки кастрюли с тем спокойным звуком, который ещё сильнее злит, если внутри у тебя всё гремит.

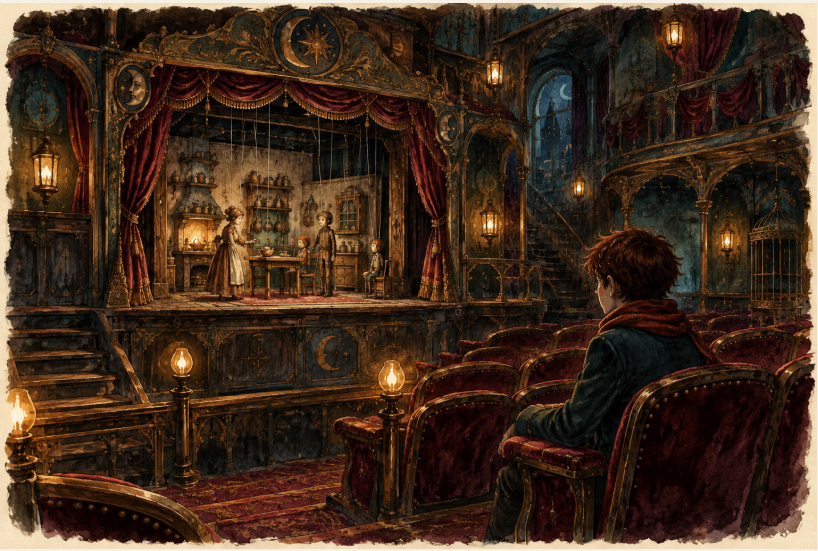
— Вернёшься к восьми, — сказала она, когда Орвен натянул пальто.

— Я не маленький.

— Поэтому я и рассчитываю, что ты умеешь смотреть на часы.

Он хлопнул дверью. Уже на лестнице захотел вернуться. Но тогда пришлось бы сначала подняться на одну ступеньку, потом ещё на три, потом постучать, потому что ключ остался на комоде. Маленькая дорога назад показалась ему длиннее любой дороги вперёд.

Снаружи моросило. Дождь в Вельдене был мелкий, деловой и умел находить щель между шарфом и воротником. Орвен шёл, пока фонари не сменились редкими окнами, а магазинные вывески — глухими ставнями.

Кукольный театр стоял в конце Кривого переулка. Его закрыли раньше, чем Орвен научился читать. Брен однажды показал ему старую афишу: весёлый король с носом-морковкой, девочка в бумажной короне. Теперь король выцвел до пятна. Девочка сохранила одну туфлю.

За дверью кто-то кашлянул.

Потом раздались три негромких удара колокольчика.

Орвен остановился. Из щели под дверью тянулся свет, такой тёплый, будто внутри уже сняли мокрые пальто и кому-то подали чай.

Дверь открыл высокий человек в сливовом сюртуке. В руках он держал щётку для одежды.

— Представление начинается, — сказал он.

— Разве театр работает?

Человек посмотрел на освещённую щель, потом на Орвена.

— Сегодня — да.

— У меня нет денег.

— У последнего зрителя билеты не спрашивают.

Он произнёс это вежливо. Так вежливо, что Орвен вошёл.

Вестибюль пах древесной пылью и апельсиновой кожурой. На крючках не висело ни одного пальто. За кассовым стеклом лежали катушки, а проход в зал пересекала полоска потёртого ковра.

— Эдрик Вэлл, — представился человек. — Смотритель сцены.

В зале было шестнадцать накрытых чехлами кресел и одно открытое. На его спинке блестела латунная пластинка с числом семнадцать.

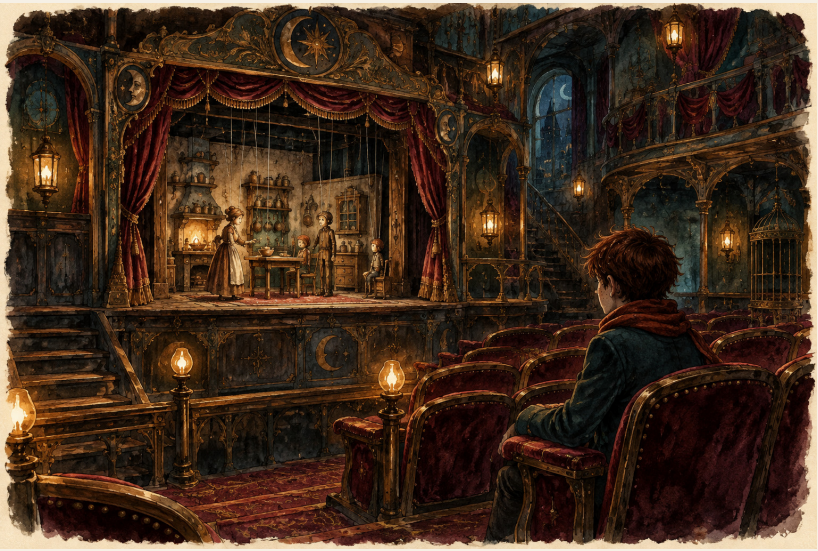
Орвен сел. Сразу стало тише. Дождь за стеной не исчез, но отодвинулся далеко, как отодвигается чужой разговор, когда начинаешь читать.

Эдрик погасил верхний свет.

Бархатный занавес дрогнул.

На маленькой сцене стояла кухня Финчли.

Даже у игрушечной кастрюли была отбитая синяя ручка.

Утро на нитке

Сначала Орвен заметил ошибку. Окно на сцене было расположено слишком низко. Потом понял, что кукольная мать стоит на табурете, чтобы достать банку с верхней полки. Всё оказалось на месте.

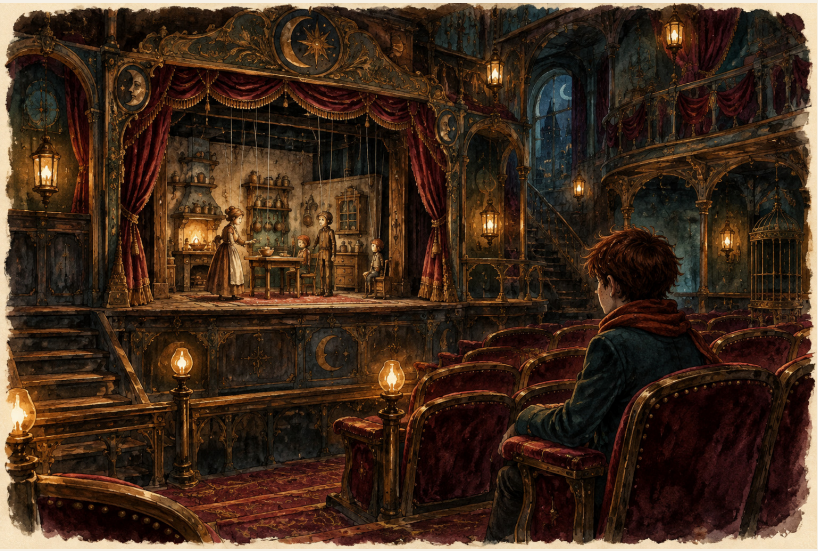
Кукольный Брен сидел у стола. Кукольный Орвен стоял рядом с дверью. У него был шарф ржавого цвета, который настоящая мать связала слишком длинным и поэтому дважды распускала.

— Всё равно тебя здесь никогда нет, — сказал кукольный Орвен.

Голос был его собственный. Не похожий. Тот самый, неприятно высокий в конце фразы.

Настоящий Орвен выпрямился.

— Кто вам рассказал?

Эдрик стоял возле стены. На его манжете сверкала одна серебряная нитка.

— Театр слышит человека, который занял кресло. Сначала показывает то, что ещё звучит в нём.

Брен на сцене опустил глаза. В кукольном мире чемодан не закрывался тоже.

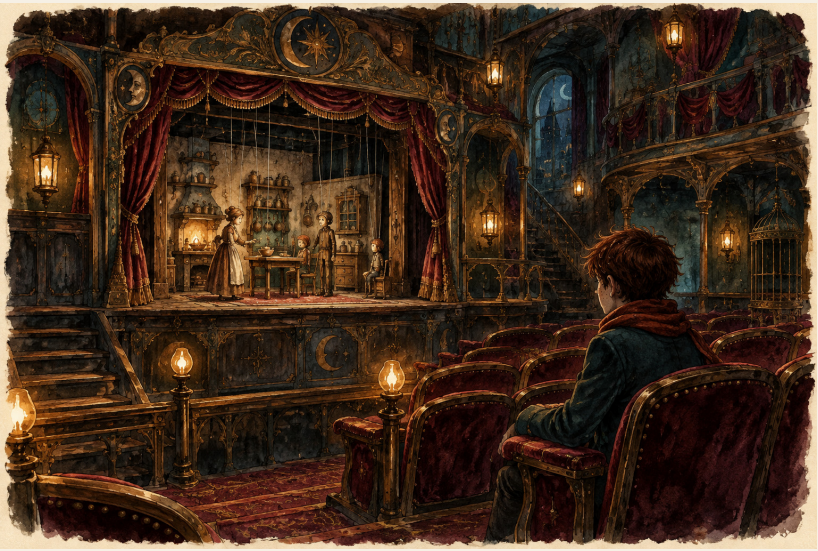
Орвен вдруг увидел то, чего не заметил дома: брат взял с подоконника маленький деревянный кораблик. Тот, который они делали вдвоём три зимы назад. Брен положил его в чемодан, завернув в носок.

— Прекратите, — сказал Орвен.

Занавес сошёлся.

Орвен почувствовал облегчение и обиду одновременно. Ему хотелось, чтобы незнакомый человек перестал смотреть в их кухню. И ещё — чтобы снова показал кораблик.

— Можно уйти? — спросил он.

— Всегда можно встать, — ответил Эдрик. — Но мы ещё не дошли до завтра.

Занавес открылся второй раз.

Теперь перед Орвеном был рынок. Лавка Товела Раска, торговца фруктами, красная навесная крыша, весы с треснутой чашей. Кукольный Товел поставил на прилавок зелёную стеклянную банку. Ветер подхватил угол полотна. Банка покатилась, торговец потянулся за ней, оступился и упал с низкой ступеньки.

Звук был маленький. Орвен всё равно вздрогнул.

Товел сел на землю и прижал руку к груди.

На заднике появились часы. Стрелки показывали без десяти двенадцать. Под часами стоял листок календаря: вторник.

Сегодня был понедельник.

— Он сломает руку? — спросил Орвен.

— Так закончилась сцена, — сказал смотритель.

— Это правда случится?

Эдрик подошёл к краю сцены и закрыл календарь ладонью.

— Это завтрашняя возможность. Театр выбирает одну и показывает её отчётливее остальных. До следующего вечера. Дальше его свет не достаёт.

— А если предупредить?

— Люди не всегда верят предупреждениям.

— А театр?

На маленьком столике рядом с креслом лежали кусок красного мела и чёрная дощечка. Орвен раньше их не заметил.

— Театр верит поправкам, — сказал Эдрик. — До того, как событие началось. Он примет одну строку за вечер.

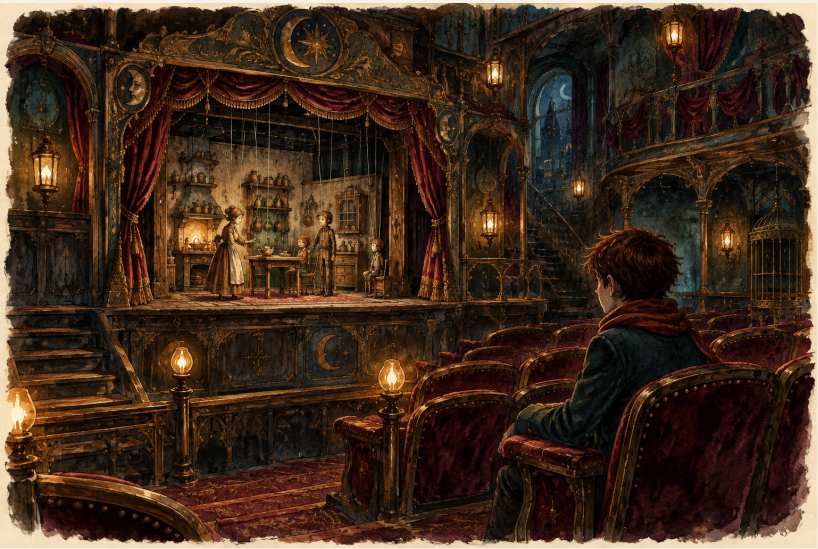

Орвен вспомнил Товела: тот всегда выбирал для матери груши помягче и добавлял одну сверху, если узнавал, что Брен снова получил хорошую отметку.

— Дощечка для меня?

Смотритель помолчал.

— Для зрителя.

Красная строка

Орвен поднял мел. Тот оказался тёплым, будто его только что держали в ладони.

На дощечке уже была написана фраза: «Товел Раск тянется за банкой и падает».

— Только то, что здесь? — спросил Орвен.

— Одно действие одного человека, — ответил Эдрик. — Театр не понимает слов вроде «все будут счастливы». Ему нужно движение, которое можно сыграть.

Орвен задумался. Если банка не упадёт, Товел не сломает руку. Всё выглядело настолько просто, что странно было не сделать.

Он стёр концом шарфа вторую половину строки и написал: «Товел Раск отставляет банку от края».

Буквы краснели на чёрном дереве. В одном месте Орвен поставил кляксу пальцем.

На сцене торговец взял банку. Отодвинул её. Ветер поднял полотно, но ничего не случилось. Кукла повернулась к зрителю и поклонилась.

— Готово?

— Поправку принимает зритель, — сказал Эдрик. — Аплодисментами.

Орвен хлопнул. Один раз, потом ещё. После третьего хлопка чёрная дощечка очистилась.

Из кресла выскользнул маленький латунный жетон. Эдрик поднял его и прикрепил к внутренней стороне Орвенова пальто.

— Чтобы узнать тебя завтра.

— Я обязательно должен прийти?

— Передумать всегда труднее, когда уже увидел, чем всё может кончиться.

Это снова не было ответом. Но Орвен слышал только слово «завтра».

Он вышел на улицу в четверть восьмого. За плечами оставался обыкновенный закрытый театр, ни света под дверью, ни колокольчика. Орвен обернулся дважды. Во второй раз разглядел на ручке прилипшую к дождю нитку.

Дома мать сидела у окна. Брен читал письмо из училища, держа его обеими руками, словно бумага могла выскользнуть.

— Ты промок, — сказала мать.

Орвен ждал выговора, и простые слова почему-то вызвали в нём стыд.

— Извини за дверь.

Мать кивнула на крючок, где висело полотенце.

— И за другое тоже, — добавил он, глядя на Брена.

Брат сложил письмо.

— Я не решил, что ты мне надоел, Орв.

— Я знаю.

Он пока не знал. Но очень хотел.

После ужина Орвен лёг, не раздеваясь до конца. Жетон лежал у него на ладони. С одной стороны — семнадцать. С другой — две маленькие ладони, соединённые в хлопке.

Он представил, как Товел отодвигает банку. Как приходит вечером домой и режет хлеб обеими руками. Как ничего страшного не происходит.

Орвену казалось, он впервые сумел сделать день безопасным.

Прежде чем уснуть, он сунул жетон под подушку.

В темноте латунь тихо щёлкнула, будто кто-то за стеной проверил дверной замок.

